

УДК 821.161.1.09"19"

В. Г. Андреева

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук;
Костромской государственной университет
lanfra87@mail.ru*

**ОБРАЗЫ УСАДЬБЫ И ПОМЕЩИКОВ
В ПОЭМЕ Н. А. НЕКРАСОВА «КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»
И ПОВЕСТИ Б. А. САДОВСКОГО «ЛЕБЕДИНЫЕ КЛИКИ»**

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда
№ 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

В статье рассматривается творческое освоение Садовским образов Некрасова: проводится параллель между героями повести «Лебединые клики» и помещиками в поэме «Кому на Руси жить хорошо». Поэтизируя усадебный быт и опираясь на находки Некрасова, Садовской раскрывает мотив произвола, нередко являвшийся оборотной стороной внешне благополучной жизни.

Ключевые слова: Н. А. Некрасов, Б. А. Садовской, усадебная культура, помещики, народный мир, стилизация, творческие освоения.

Valeria G. Andreeva

*A.M. Gorky institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences;
Kostroma State University*

**IMAGES OF THE ESTATE AND LANDOWNERS
IN THE POEM "WHO LIVES WELL IN RUSSIA" BY N. A. NEKRASOV
AND THE STORY "SWAN CLICKS" BY B. A. SADOVSKY**

This work was supported in the IWL RAS by the Russian Science Foundation
project No. 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

The article examines the creative development of Sadovskiy's images of Nekrasov: a parallel is drawn between the heroes of the story "Swan Cliques" and the landowners in the poem "Who Lives Well in Russia". Poeticizing the life of the estate and relying on the findings of Nekrasov, Sadovskoi reveals the motive of arbitrariness, which was often the other side of an outwardly prosperous life.

Keywords: N. A. Nekrasov, B. A. Sadovskoi, estate culture, landowners, folk world, stylization, creative development.

Борис Александрович Садовской (1881–1952) – талантливый поэт, писатель, литературный критик, творчество которого было прочно связано с русской классикой. Большинство современников Садовского отмечали характерную для него поэтизацию русской жизни XVIII–XIX вв. Одна из самых перспективных тем – рецепция русской классической литературы в творчестве Садовского – рассмотрена до сих пор в незначительной степени. «Своеобычная творческая связь писателя с ушедшей эпохой обусловила рождение большинства сюжетов в его прозаическом наследии, интерпретация которых, как правило, составляет содержание редких научных работ...», – отмечает С. Н. Пяткин [6, с. 128]. Большинство разысканий, посвященных указанной теме, связано с осмыслением Садовским творческого наследия А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя. Несмотря на тот факт, что Садовский был в большей степени поклонником А. А. Фета, поэта чистого искусства, в его прозе немалое место занимают также образы и темы поэзии Н. А. Некрасова. Творческое освоение Садовским находок и образов Некрасова особенно широко представлено в повести «Лебединые клики» (1911), в которой писатель воплотил одновременно как восхищение временем расцвета русских усадеб (действие в повести происходит в середине XIX в.), так и свойственные поэзии Некрасова мотивы обличения роскоши барствующих самодуров-помещиков.

В центре повести «Лебединые клики» находится усадьба Лебяжье и образ ее владелицы. «Княгиня Зенеида» – так и называлась повесть, опубликованная впервые в №1 и №2 журнала «Русская мысль» за 1913 г. Однако более позднее название, данное произведению в отдельном издании, полнее отражает его суть, так как Княгиня Зенеида рассматривается в произведении именно как наследница и владелица богатейшего имения: «Давно вдовееет княгиня. После супруга осталась она владетельницей богатств несметных» [7]. Сюжет повести довольно прост: братья Бобровы, генерал и его младший брат, отправляются в имение Лебяжье, где затворницей, но роскошно живет вдова князя Курятева. Она принимает братьев, очаровывает обоих, и сама влюбляется в молодого и искреннего Сергея. Княгиня Зенеида в порыве страсти делает предложение Сергею, но сила жизни выступает своеобразным противоядием крепостнической любви княгини, Сергей противостоит ее чарам и от женитьбы отказывается. Тогда, памятуя о своем нечутком муже, княгиня соглашается на предложение старшего брата, генерала Боброва – человека недалекого: она осознает, что с ним она будет и замужем, и свободна.

Имение вдовы Курятевой не просто богато, но царственно: «Пышность во дворце княгини Зенеиды (домом невозможно было именовать величавую громаду в шестьдесят с лишним комнат) с выдержанностью строгой красоты соединяла торжественный и спокойный вид» [7]. Садовской мастерски воссоздает колорит значительных дворянских усадеб XIX в. Как справедливо отметила Н. Н. Кислова, хронотоп повести позволяет читателю представить Лебяжье как сказочный и даже отчасти заколдованный мир, красотой которого восхищается автор: «В этом мире находится заколдованная “царица”, “неувядаемая роза”, ожидающая своего избавителя. Автор изображает разрушение этого “заколдованного проклятого царства”, гибель его мистических обитателей, освобождение “царицы”. Время в усадьбе подчеркнуто циклично. Но и в этой повести за серьезностью повествования постоянно чувствуется присутствие авторской иронии» [3, с. 1533].

Герои повести оцениваются автором двойственно. И даже роскошная Зенеида, которая девочкой была выдана замуж за князя Курятева, уже с первых предложений о ней характеризуется как непростая барышня, а потом и барыня. Поначалу чуждавшаяся старого мужа, Зенеида быстро осознает, что жизнь в богатстве не так уж тягостна. Князь Федор Сергеевич Курятев является зловещим и загадочным героем, которым движут демонические силы. Эти подчеркнутые автором мотивы сложно не заметить. Вся жизнь Курятева – неумеренное чудачество, благодаря одному из проявлений которого – дерзкой выходке на организованном им мальчишнике перед свадьбой – он оказывается разжалованным и замкнуто живущим в своем имении. Внимательный читатель повести легко проведет параллель между Курятевым и героями-помещиками поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо».

Садовской не скрывает возможных параллелей, наоборот, они призваны показать иронию автора по отношению к роскоши усадьбы и странностям ее хозяев. Поэтизируя усадебный быт в его естественном облике, создавая великолепные описания дома-дворца и всех владений Курятевых, а потом княгини Зенеиды, Садовской благодаря некрасовским образам помещиков раскрывает мотив произвола, деспотизма. *Князь Курятев* у Садовского очень напоминает *князя Утятину* у Некрасова. Тут налицо и птичье родство фамилий, и дурная сторона жизни:

«Помещик наш особенный,
Богатство непомерное,
Чин важный, род вельможеский,
Весь век чудил, дурил...» [5, с. 332].

Параллель с некрасовским князем Уятиным открывает глубинный подтекст повести Садовского. Н. Н. Кислова отмечает, что «...облачение творческого замысла в канонические литературные формы прошедших эпох помогает писателю обозначить тайные и вечные смыслы

в событиях современности, избежать грубой прямолинейности в обозначении проблем своего времени, выразить неприятие настоящего» [4, с. 90]. Время написания повести «Лебединые клики» было связано с упадком усадебной культуры, Садовской ностальгически восхищается великолепием усадебного быта, но вслед за Некрасовым иллюстрирует страшное воздействие на помещиков несметных богатств, приводивших к помутнению рассудка.

Но не только некрасовский образ Утятиня осваивается Садовским. Узнаваемы в повести «Лебединые клики» переключки и с другими героями Некрасова из поэмы «Кому на Руси жить хорошо», прежде всего, вспоминается читателям помещик Гаврила Афанасьевич Оболт-Оболдуев.

«Пять поваров да пекаря,
Двух кузнецов, обойщика,
Семнадцать музыкантиков
И двадцать два охотника
Держал я... Боже мой!» [5, с. 315], –

воскликает помещик у Некрасова, вспоминая прежние времена. Подобный же размах описывается и Садовским: весь окружающий мир оказывался у ног помещика: дом, парк, оранжереи, пиршества, музыканты, исполняющие любые произведения по желанию гостей, и главное – верные слуги, готовые отдать жизнь за господ. Не случайно в самом начале повести Садовского звучит один из центральных некрасовских мотивов – мотив рабства: «Что же, рабов и у нас нет. Звание раба еще государыня Екатерина отменила, слышал?»; «Звание отменила, а рабство осталось» [7].

Используя метод Некрасова, создавшего галерею похожих по своей безысходности крестьянских судеб, Садовской описывает несколько примечательных историй, раскрывающих отношение к крепостному как к вещи, безделье. Так, читатель узнает, что кучер Мишка был прислан когда-то к Боброву с соловьем: «Сенатор Ендовищев (изволили слышать-с?) меня к папеньке вашему с соловьем прислал. <...> Когда папенька ваш в Петербурге были, соловей-то им и полюбился. Опосле, как уехали они, сенатор им соловья этого со мной и послал в презент. Соловья, да меня на придачу-с» [7].

В. Ю. Белоногова заметила, что «устойчивый интерес Садовского к “золотому веку” русской словесности проявлялся и в его литературном творчестве, причем не только на тематическом и содержательном уровне, но и на уровне жанровых и языковых стилизаций, имитаций и даже мистификаций» [1, с. 102]. Вслед за Некрасовым Садовской показывает роковые случайности, которые на самом деле закономерно вытекают из образа жизни помещиков.

В поэме Некрасова Оболдуев описывает кончину своего предка, который погибает от лап медведя:

«Волками и лисицами
Он тешил государыню,
В день царских именин
Спускал медведя дикого
С своим, и Оболдуева
Медведь тот ободрал...» [5, с. 313]; –

такой же финал ждет в повести Садовского и князя Курятева: «Однажды случилось так, что выехал князь по обычаю на охоту, но, приказав зашить себя плотно в шкуру, велел спустить всю гончую стаю разом. Собаки сгрудились и полезли валом; видна была одна огромная копошащаяся куча; барахтаясь и рыча, псы рвались на зверя, не слушая ни арапников, ни крику. Медведь не огрызался и не рычал, а лежал, распластавшись, молча. Когда свалили, наконец, со зверя собак, в страхе подошли к нему охотники, но не смели подступиться, покуда Скворцалупов не перевернул ничком лежавшее тело: тогда увидели псари объединенную мертвую

голову князя Курятева» [7]. Смерть эта не случайна, поскольку охота и у Оболдуева, и у Утятина – блажь. Показательна тут реплика крестьян:

«Как не понять! С медведями
Немало их шатается,
Прохвостов, и теперь» [5, с. 313].

Еще одна история поэмы Некрасова перепевается Садовским в повести, автор иллюстрирует изменение психики человека-раба всей крепостной системой. Речь идет о рассказе «Про холопа примерного – Якова верного». У Некрасова мы видим рабскую преданность слуги барину:

«Яков таким объявился измладости,
Только и было у Якова радости:
Барина холить, беречь, ублажать
Да племяша-малолетка качать» [5, с. 435].

Такие же отношения выстраиваются между князем Курятиным и дворецким Скворцалуповым. Причем последний сначала без нареканий служит князю, а потом, еще более прилежно и страстно – княгине: «Все приказания госпожи Скворцалупов выполнял свято. Ни разу еще не было случая, чтобы княгиня выказала дворецкому недовольство. И неувловимое что-то и странное мелькало в обращении прекрасной княгини с красавцем слугой» [7]. И у Некрасова, и у Садовского причиной смертельной обиды слуг и самоубийства оказывается предательство, связанное с любовной темой. В поэме «Кому на Руси жить хорошо» князь запрещает брак Гриши, племянника Якова, и девушки Ариши, при этом Якова отправляют в рекруты. У Садовского красавец и силач Скворцалупов влюблен в княгиню Зенеиду и не может пережить ее будущего замужества. Однако реакция помещиков на несчастье разная: деспот-крепостник Поливанов у Некрасова осознает свой грех, пролежав ночь под трупом Якова:

«Экие страсти господни! Висит
Яков над барином, мерно качается.
Мечется барин, рыдает, кричит,
Эхо одно откликается» [5, с. 437],

а вот старший из братьев Бобровых не понимает причины самоубийства или тщательно скрывает это за маской равнодушия: «Над самой дорогой распростерла ветви престарелая, в медной коре, горбатая осина. На ней, почти касаясь земли ногами, висел человек. <...> Дворецкий висел на белом своем галстуке, в расстегнутом синем фраке, в чулках и башмаках» [7]. Не случайно в повести появляются рядом две реакции на увиденное: «Эко несчастье, – сказал вполголоса кучер, снимая шапку. – Сердешный!»; «Собаке и смерть собачья, – сказал генерал сурово. – Проведи лошадей, Иван, и поедем дальше» [7].

И. В. Грачева рассказывает о прототипах героев Некрасова и о том, как А. Ф. Кони поведал поэту о событиях, произошедших в Рязанской губернии с помещиком Чулковым и его слугой, отмечает маловероятность концовки истории Некрасова, которая «отражала naive надежды крестьянского мира на возможность пробуждения совести у жестокосердных господ»: «В реальности же Чулков с негодованием рассказывал знакомым о поступке кучера “в доказательство глупости и грубости простого народа”» [2, с. 8]. Негодующе ведет себя у Садовского и старший Бобров – человек равнодушный к чужому горю, падкий на деньги. Интересно, что внешне с некрасовским Оболдуевым схож именно генерал Кирила Павлыч, свежее и румяное лицо которого Садовский сравнивает с таковым у деревянной игрушки. Вспомним описание Оболдуева у Некрасова:

«Помещик был румянький,
Осанистый, присадистый,
Шестидесяти лет» [5, с. 310].

Уникальность художественного мира повести Садовского состоит в совмещении двух разных позиций. С одной стороны, уже в начале XX в. писатель восхищается невозвратимым

прошлым, которое было связано с расцветом усадебной культуры. В повести эта позитивная сторона усадебной жизни реализуется за счет поэтических картин благоденствия и мудрой устроенности жизни в Лебяжье, описания увлечения старого князя лебедями. С другой стороны, Садовской представляет гиперболизированные описания роскоши, творчески осваивая находки Некрасова, создает художественные параллели, открывающие произвол многих помещиков, их привычку распоряжаться людьми, неуважение к труду. Развитие сюжета повести, выбор героиней второго мужа, образ генерала Боброва позволяют автору отразить необратимый процесс оскудения усадебной культуры, проявляющийся, в частности, в отношении генерала Боброва к лебедям. «Многозвучный трубный хор» лебедей, который «стихая, замирал в небе»; «последние клики», которые «торжественно и нежно вздыхали струнами оборванных арф» будущий хозяин Лебяжьего оценивает прозаически: «Ничего не увидишь. Они верст за сто от нас. Красивая птица. И кричит приятно. Только покойник и тут переборщил. Много их больно развелось теперь. Стрелять надо. Ни в чем меры не знал» [7]. Садовский отмечает равнодушие и потребительское отношение помещиков, не озаряемое мыслями о творческом преображении своих владений.

Литература

1. Белоногова В. Ю. Пушкин и Гоголь в творчестве Бориса Садовского // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 2(2). С. 102–106.
2. Грачева И. В. Рязанские реалии в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» // Литература в школе. 2016. № 3. С. 6–8.
3. Кислова Н. Н. Поэтика повести «Лебединые клики» Б. А. Садовского // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. Т. 14. № 2-6. С. 1533–1539.
4. Кислова Н. Н. Стилизация как авторская стратегия XX века (на примере творчества Б.А. Садовского) // Поволжский педагогический вестник. 2017. Т. 5. № 4(17). С. 86–90.
5. Некрасов Н. А. Сочинения. М.: Правда, 1986. 544 с.
6. Пяткин С. Н. «Властители» и «поэты» в творчестве Б. А. Садовского // Научный диалог. 2018. № 11. С. 127–138.
7. Садовской Б. А. Лебединые клики. URL: http://az.lib.ru/s/sadowskoj_b_a/text_1911_lebedinye_kliki.shtml (дата обращения: 30.03.21).